

Также в музейном собрании находится ряд педагогических изданий для учебных заведений.

Музейный комплекс книг дает представление о типичном внешнем оформлении новиковских книг, которое соответствовало существующей русской европеизированной традиции, но вместе с тем отличалось определенной оригинальностью. В изданиях помещались жанровые гравюры (хотя многие книги вообще не были снабжены иллюстрациями, которые поднимали цену издания), географические карты (в книгах о путешествиях). Широко использовались типографские украшения: виньетки, концовки, заставки, большей частью прямо не связанные с содержанием книги. Преобладал формат в восьмую долю листа (около 80% всей продукции). Переплеты были прочные, большей частью кожаные. Обрез книжного блока ровный или с закруглением, часто красный. Красивы форзацные листы, в оформлении которых обращает на себя внимание декоративная, т.н. «мраморная», или «турецкая» бумага (цветная с разводами), получившая распространение с середины XVIII века. Скромные, изящные книги были отпечатаны на недорогой бумаге отечественного производства четкими и красивыми шрифтами. Во всех книгах видим издательскую марку Новикова с его инициалами (встречается в нескольких вариантах), знак Типографической компании.

В соотношении с общим массивом издательской продукции Новикова (всего им было напечатано около 1000 книг) музейная коллекция отличается достаточно высоким уровнем репрезентативности, как с точки зрения хронологической характеристики (по периодам и общим рамкам деятельности), так и в плане книжного репертуара. В целом в коллекции имеются многие наиболее заметные – «маркерные» – издания, опубликованные Новиковым и вошедшие в круг чтения казанских читателей.

О.Р.Зотова

*Рязань, Рязанский государственный университет
имени С.А.Есенина*

Ценностный мир героини в мемуарах Екатерины II

В произведениях автодокументального характера герой и автор взаимодействуют иначе, чем в произведениях художественных. Одним из ярких проявлений этого отличия является близость (иногда тождественность) ценностных миров автора и героя в произведениях автоби-

ографических, тогда как в художественных произведениях ценностные установки их могут быть принципиально противопоставлены. На этот феномен указал М.М.Бахтин в работе «Автор и герой в эстетической деятельности», отметив, что в жанре автобиографии «автор как момент художественного произведения никогда не совпадает с героем, их двое, но между ними нет принципиальной противопоставленности, их ценностные контексты однородны, носитель единства жизни – герой и носитель единства формы – автор принадлежат одному ценностному миру» [Бахтин 1986: 17]. Анализируя этические императивы героини в мемуарах Екатерины II, мы приближаемся к пониманию личности русской императрицы, чей противоречивый образ, несмотря на многочисленные исторические исследования, требует осмысления и продолжает оставаться загадкой. Одновременно такой анализ может служить ключом к проникновению в культурное поле конца XVIII – начала XIX века, поскольку ценностный мир героини «Собственноручных записок императрицы Екатерины II», несмотря на яркое своеобразие личности их автора (в биографическом смысле, как конкретно-исторического лица), сформирован культурными представлениями своего времени. Впрочем, можно говорить и о том, что деятельность самой Екатерины II в значительной степени влияла на формирование таких представлений. Это усиливает интерес к специфике исторически предопределенного мышления героини мемуаров Екатерины II, которое неосознаваемым для человека образом задает нормы его деятельности, специфическое понимание феноменов окружающего мира, оптику его зрения и восприятия действительности.

Мемуары императрицы открываются следующим тезисом: «Счастье отдельных личностей бывает следствием их качеств, характера и личного поведения» [Сочинения Екатерины II 1990: 22]. Все дальнейшее повествование, по мысли автора, должно стать доказательством этого тезиса на примере судеб Петра III и Екатерины II. Так, уже с первых страниц определяется важнейшая составляющая мировоззрения мемуаристки: личная ответственность за события своей жизни. В произведении Екатерины II не встречается упоминаний о Божественном предопределении в отношении судьбы главной героини и ее неудачливого мужа. Сравним с цитатой из мемуаров Н.Б.Долгоруковой: «Отец мой небесный предвидел во мне, что я поползновенна ко всякому злу, не попустил меня душой погибнуть; всячески меня смирал и все пути мои ко греху пресекал» [Своеручные записки княгини Наталии Борисовны Долгоруковой 1990: 63]. Екатерина II на страницах мемуаров рисует себя как вполне самостоятельную личность со сложившимися жизненными приоритетами,

которыми она руководствуется во всех своих поступках. В мемуарах не раз встречаются упоминания о прилежном исполнении будущей императрицей православных церковных обрядов, за «излишнюю набожность» бранит ее великий князь [Сочинения Екатерины II 1990: 47], но свои решения Екатерина II принимает, сообразуясь с собственным здравым смыслом и далеко идущими целями, не обращая при этом к Божественной помощи. Уже в пятнадцать лет она четко формулирует свою жизненную программу: «(1) нравиться великому князю; 2) нравиться императрице; 3) нравиться народу» [Записки императрицы Екатерины Второй 1907: 58] и ни в каких придворных коллизиях не теряет уверенности в том, что рано или поздно займет российский престол. Мемуаристка, описывая собственную свадьбу, откровенно пишет о честолюбии, которое придавало ей сил в этот отнюдь не радостный для нее момент: «...В глубине души у меня было что-то, что не позволяло мне сомневаться <...> в том, что <...> мне самой по себе удастся стать самодержавной Русской императрицей» [Сочинения Екатерины II 1990: 51].

К мысли о том, что человек сам является творцом своей судьбы, мемуаристка не раз возвращается на страницах «Записок». Описывая историю с прошением о высылке из России, с которым однажды великая княгиня Екатерина, раздосадованная отношением к ней мужа и его великодержавной тетки, обратилась к царствующей императрице Елизавете, мемуаристка уверяет читателя, что сохраняла спокойствие в этой непростой ситуации: «Я нашлась бы в любом положении, в которое Провидению угодно было бы меня поставить, и тогда не была бы лишена помощи, которую дают ум и талант каждому по мере его природных способностей» [Сочинения Екатерины II 1990: 224]. В этих словах не только проявляется самодостаточная, гордая и независимая натура Екатерины II, но и прослеживаются черты, характерные для философии эпохи Просвещения (культ Разума, творящего мир), антропоцентризм, принципиально новое отношение к окружающему человека миру, который можно перестроить, опираясь на рациональные законы). Неумением основать свою жизнь на разумных началах мемуаристка объясняет драму Петра III: «Мои советы были всегда самыми лучшими, какие я могла придумать для его блага; если он им не следовал, не я была в том виновата, а его собственный рассудок, который не был ни здрав, ни трезв» [Сочинения Екатерины II 1990: 224].

Для самой Екатерины II характерен высокий уровень рефлексии и осознанность личностных ценностей. Еще подростком она пишет «Портрет философа в пятнадцать лет», который спустя много лет удивит ее

«глубиною знания самой себя» [Сочинения Екатерины II 1990: 40]. Взгляд героини мемуаров не раз обращается на самое себя, она ведет внутренний диалог, в процессе которого формируется ее мировоззрение: «Я говорила себе: «Счастье и несчастье – в сердце и душе каждого человека. Если ты переживаешь несчастье, становись выше его и сделай так, чтобы твое счастье не зависело ни от какого события» [Сочинения Екатерины II 1990: 225]. Последняя цитата интересна тем, что выражает важную составляющую мировоззрения мемуаристки – убеждение в необходимости стать счастливой. Счастье предстает неотъемлемым правом сильной личности, какой ощущает себя будущая императрица: «Природная гордость моей души и ее закал делали для меня невыносимой мысль, что я могу быть несчастна» [Сочинения Екатерины II 1990: 225]. В собственной жизни характерную для эпохи классицизма антиномию счастья и долга автор «Записок» разрешает в пользу счастья, признавая правомерным свое отречение от любви к мужу: «Я говорила самой себе, что с этим человеком я непременно буду очень несчастной, если я поддамся чувству любви к нему» [Сочинения Екатерины II 1990: 55]. Следование супружескому долгу не является безусловным требованием к женщине, по убеждению мемуаристки: «Я от природы была склонна и привычна исполнять свои обязанности, но для этого мне нужно было бы иметь мужа со здравым смыслом, а у моего не было этого» [Сочинения Екатерины II 1990: 55].

Впрочем, свое счастье великая княгиня изначально связывает не с семейными или любовными отношениями, о которых с высокой степенью откровенности пишет в своем сочинении, а с возможностью достижения своей главной цели – российского трона. Эта цель представляется тем более важной, что завоевание ею власти послужит не столько удовлетворению честолюбия героини, сколько, прежде всего, благу российского государства. С этой меркой – государственная польза – великая княгиня подходит к тайному проекту графа Бестужева о том, как будут распределены полномочия в царской семье после смерти Елизаветы Петровны: «Я смотрела на его проект как на пустую болтовню и удочку <...>, но на эту удочку я не клюнула, потому что считала ее вредной для государства, которое терзалось бы от всякой домашней ссоры между мной и не любившим меня моим супругом» [Сочинения Екатерины II 1990: 216]. Впрочем, следует отметить, что прямые высказывания о мотивах своего поведения, обусловленных общественной пользой, в мемуарах Екатерины II единичны, в отличие, например, от «Записок» Е.Р.Дашковой, которая неоднократно рассуждает о «первой гражданской добродетели –

любви к родине» [Екатерина Романовна Дашкова. Записки 1990: 256]. Позволим себе выразить сомнение в справедливости вывода, сделанного Е.Е.Приказчиковой, о том, что в мемуарах, подвергшихся неоднократной переработке, «в результате реализованной «утопии как реальности» Екатерина II создает почти сакрализированный образ женщины-Императрицы эпохи Просвещения» [Приказчикова 2010: 37]. На наш взгляд, более точно настроение мемуаров передано в рассуждениях Я.Л.Барскова: «Императрица писала их с твердой уверенностью в себе, с гордым сознанием своего величия и своих заслуг перед Россией» [Барсков 1907: 7], – и продолжившей их В.В.Муравьевой: «В собственноручных записках Екатерины Великой беспокойство о сохранении репутации, хотя бы и с оглядкой на потомков, никак не выражено» [Муравьева 2004: 132]. Именно этим, на наш взгляд, объясняется отсутствие в тексте мемуаров Екатерины II прямых деклараций о государственном благе и собственной роли в его приумножении.

Сравнивая тексты трех редакций «Записок» Екатерины II, можно убедиться, что автобиографический образ будущего философа на троне с каждым новым вариантом обретал большую отчетливость, в чем обнаруживается авторский замысел. Но все же мемуаристка стремится сохранить жизненную правду в описании самой себя и событий собственной жизни. Иронически пишет Екатерина II о стремлении своего мужа «придать себе цены» вымышленными рассказами о сражении с шайкой цыган-разбойников, в котором якобы «он проявил чудеса ловкости и мужества». Сознательное приукрашивание собственной судьбы претит мемуаристке: «Я старалась во всем приближаться всегда как можно больше к правде, а он с каждым днем от нее удалялся» [Сочинения Екатерины II 1990: 188].

Идеал Правды является одним из постулатов просветительской философии, которая, безусловно, влияла на мышление императрицы, но вряд ли стремление мемуаристки к жизненной достоверности можно объяснить только этим. Автор «Записок» сосредоточен не на философском поиске истины, а на возможно более точном воспроизведении событий собственной жизни, и лукавить Екатерине II не позволяет чувство собственного достоинства. Гордость – одна из важнейших черт образа героини мемуаров и, как легко догадаться, их автора. Об этом своем качестве Екатерина II упоминает неоднократно и почти в одних и тех же выражениях: «я не любила, чтобы меня жалели, и не любила жаловаться; у меня была слишком гордая душа» [Сочинения Екатерины II 1990: 155], «я была слишком горда, чтобы жаловаться; я считала бы себя униженной, если бы мне выразили участие, которое я могла бы принять за жалость» [Сочинения Екатерины II 1990: 49] и т. д. За привычку держаться очень

прямо упрекает свою супругу Петр III [Сочинения Екатерины II 1990: 163], чрезвычайная гордость великой княгини возмущает императрицу Елизавету Петровну [Сочинения Екатерины II 1990: 230], но в системе ценностей самой мемуаристки это качество, безусловно, положительно: оно результат самовоспитания и силы духа.

Воспитание идеального человека было одной из основных задач эпохи Просвещения. Сама Екатерина II не претендует на роль такого идеала: «Я знала, что я человек и тем самым существо ограниченное и неспособное к совершенству» [Сочинения Екатерины II 1990: 224], она даже подвергает сомнению возможности разума в обуздании человеческих страстей: «несмотря на самые лучшие правила морали, запечатленные в голове, когда в них вмешивается чувствительность, как только она проявится, оказываешься уже бесконечно дальше, чем думаешь» [Сочинения Екатерины II 1990: 226]. Однако вера в возможности самовоспитания, отвечающая духу века, оказывается непоколебима, и именно этой неустанной работой над собой Екатерина II объясняет свои успехи. В юности, составляемая графом Гюлленборгом, который старался укрепить в великой княгине «как возвышенность и твердость духа, так и другие качества ума и сердца», она решает «серьезно следовать его советам» и дает читателю понять, что справилась с этой задачей: «Я обещала себе это, а раз я себе что обещала, не помню случая, чтобы это не исполнила» [Сочинения Екатерины II 1990: 41]. В финале «Записок», оставшихся неоконченными, Екатерина II, «не прикрываясь ложной скромностью», дает развернутый автопортрет внутреннего мира: «Побуждениями, которым я охотнее всего следовала, были самая строгая честность и добрая воля. <...> Я была честным и благородным рыцарем, с умом несравненно более мужским, нежели женским» [Сочинения Екатерины II 1990: 225].

Нравственные ориентиры будущая императрица могла находить в книгах, как это рекомендовал граф Гюлленборг, утверждавший, что душу надо «питать самым лучшим чтением» [Сочинения Екатерины II 1990: 40]. Во второй половине XVIII – начале XIX века формируется «миф об исключительном, а зачастую и единственном влиянии книги на нравственно-эстетическое самосознание и развитие человека», и если «для I половины XVIII века принципиально важен сам факт чтения, то для эпохи Просвещения на первый план выходит вопрос выбора правильного чтения» [Приказчикова 2010: 40]. В полном соответствии с этим культурным явлением эпохи, Екатерина II придает большое значение кругу литературных предпочтений человека. Она пишет о себе, что «искала книг с большим разбором» [Сочинения Екатерины II 1990: 68] (в числе ее избранных авторов Плутарх, Платон, Вольтер, Монтескье,

госпожа де Севиньи), уважительно отзываясь о фаворите императрицы И.И.Шувалове, много обещавшем «по своему прилежанию; его всегда видели с книгой в руке» [Сочинения Екатерины II 1990: 95], и презрительно высказывается по поводу литературных интересов великого князя: «он накупил себе немецких книг, но каких книг? часть их состояла из лютеранских молитвенников, а другая – из историй и процессов каких-то разбойников с большой дороги» [Сочинения Екатерины II 1990: 96].

Подведем итог. В системе ценностей героини мемуаров и их автора большое место отводится разуму как главному фундаменту жизненного благополучия. В «Записках» отчетливо прослеживается убеждение мемуаристки в ответственности личности за собственную судьбу и праве на счастье, которое является результатом характера и поведения. Целеустремленность, чувство собственного достоинства, самоанализ и постоянная работа над собой – важнейшие черты внутреннего облика Екатерины II, каким он предстает на страницах ее произведения. В поисках нравственных ориентиров будущая императрица, в соответствии с культурными представлениями эпохи, большое значение придает выбору правильного круга чтения. Мемуары Екатерины II дают представление не только о личности самой императрицы, но и помогают постичь специфику ментальности образованных людей эпохи, получившей название екатерининской.

Литература

1. Барсков Я.Л. Предисловие // Сочинения императрицы Екатерины II: В 12 т. – Т.12. – СПб., 1907.
2. Бахтин М.М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. – М., 1986.
3. Екатерина Романовна Дашкова. Записки // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века / Сост., вступ. статья, коммент. Г.Н.Моисеевой. – М., 1990.
4. Записки императрицы Екатерины Второй: перевод с подлинника, изданного Императорской академией наук. – СПб., 1907.
5. Муравьева В.В. Традиция русской агиографии в мемуаристике XVIII века: Дис. канд. филол. наук. – М., 2004.
6. Приказчикова Е.Е. Культурные мифы и утопии в мемуарно-эпистолярной литературе русского Просвещения: Автореф.дисс...докт.филол.наук. – Екатеринбург, 2010.
7. Своеручные записки княгини Наталии Борисовны Долгоруковой // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX века / Сост., вступ. статья, коммент. Г.Н.Моисеевой. – М., 1990.
8. Сочинения Екатерины II / Сост. О.Н. Михайлов. – М., 1990.